

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

С. П. Крашенинников, *Описание земли Камчатки*. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. Академия Наук СССР, Институт географии, Географическое общество Союза ССР, Институт этнографии. Изд. Главсевморпути, М.—Л., 1949.

Новое, четвертое издание «Описание земли Камчатки» замечательно уже тем, что в нем объединили свои усилия Институт географии, Географическое общество Союза ССР, Институт этнографии, а также издательство Главсевморпути. Это свидетельствует о том большом и глубоком внимании, какое советская общественность уделяет выдающемуся русскому ученому XVIII в. С. П. Крашенинникову. О том же свидетельствует и организация подготовки настоящего издания, в которой использован богатый опыт коллективной работы советских ученых. Вместе с акад. Л. С. Бергом, осуществлявшим общее руководство, работал целый коллектив исследователей, обеспечивших издание комментариями и иллюстративным материалом, в том числе рядом неопубликованных карт Камчатки и Северо-Восточной Азии, относящихся к первой половине XVIII в.

Новое издание «Описания земли Камчатки» открывается обширной вступительной статьей проф. Н. Н. Степанова: «С. П. Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки»» (стр. 13—86). Далее следует текст самого «Описания» (стр. 87—532), открывающийся неопубликованным ранее предисловием автора.

В основу нового издания текста «Описания» положена последняя, четвертая, авторская его редакция, изданная в 1755 г., но дополненная ныне по подлинной рукописи, хранящейся в Архиве Академии Наук СССР. При этом в издании 1949 г. воспроизведены в сносках изъятые в свое время места из вариантов труда С. П. Крашенинникова в его второй и третьей редакции, имеющие значение для оценки деятельности ученого и его взглядов.

Кроме полного текста «Описания», в новом издании впервые опубликован ряд других работ исследователя, связанных с тематикой этого сочинения и его исследованиями на Камчатке, дополняющих «Описание» и раскрывающих условия, в которых оно было создано. Таковы письма и донесения С. П. Крашенинникова из Сибири Гмелину и Миллеру, Стеллеру и Делиль де ла Кройеру, описания путей по Камчатке, статьи о собольем промысле, о касатках, о сладкой траве и приготовлении из нее вина, а также описания Курильских островов, камчатского народа (в двух вариантах), укинских жителей, коряцкого народа, оленных коряков, чукчей, курилов. Среди этих приложений имеются также два варианта работы «О завоевании Камчатской земли, о бывших в разные времена от иноземцев изменах и бунтах служивых людей». В приложениях, помимо указателей (географических названий, личных имен, латинских названий растений и животных), имеется специальная статья А. В. Ефимова о картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII в.

Таким образом, последняя публикация труда С. П. Крашенинникова впервые дает советскому читателю наиболее полное представление об этом выдающемся произведении русской научной мысли. С другой стороны, новое издание «Описания земли Камчатки» полезно и тем, что полнее и глубже рисует облик самого автора этого выдающегося труда.

В своей вступительной статье Н. Н. Степанов, используя как имеющиеся литературные данные, так и различные архивные материалы, дает сначала сжатую характеристику истории первоначального, до Крашенинникова, ознакомления русских с Камчаткой, а также сводки о Камчатке, написанной Миллером по данным, собранным им в Якутске в 1737 г. Сводка эта, как пишет Н. Н. Степанов, «получилась

добросовестная, но вместе с тем краткая и далеко не полная. Дать исчерпывающую работу о Камчатке можно было только, собрав материалы на самой Камчатке».

Затем следует столь же сжатая, но точная и полная во всем существенном, справка о жизни С. П. Крашенинникова до его поездки на Камчатку, включая участие в академической экспедиции вместе с Гмелиным и Миллером. Характеризуя условия, в которых прошли эти последние три года, «когда Крашенинников уже показал, что в его лице русская наука получила вполне зрелого, первоклассного исследователя, изумительного и проникновенного наблюдателя», Н. Н. Степанов справедливо подчеркивает, что это была прежде всего заслуга самого Крашенинникова, а не только его учителей и начальников по экспедиции — Гмелина и Миллера. Материалы самой экспедиции, говорит Н. Н. Степанов, «не раскрывают интимных взаимоотношений между талантливым студентом и его профессорами». Их отчасти раскрыл только М. В. Ломоносов в своей «Истории академической канцелярии», вспоминая о словах «покойного Крашенинникова, которой о Гмелинове добром сердце и склонности к российским студентам Ломоносову сказывал, что де он давал им в Сибири лекции, таясь от Миллера, который в том ему запрещал...».

Жизнь С. П. Крашенинникова на Камчатке, трудности, которые он встретил там, его неустанная научная деятельность в неизведанной еще далекой стране описаны во вводной статье значительно подробнее. Читатель с волнением следит за судьбой молодого ученого, оказавшегося в той стране, где, по словам Н. М. Карамзина, человек поселился вопреки «натуре, среди глубоких снегов, влажных туманов и гор огнедышащих». Еще не достигнув берегов Камчатки, судно, на котором он плыл, дало течь. В море сбросили все, что возможно было выбросить, в том числе все личные вещи Крашенинникова, вплоть до белья. «И больше у меня [ничего] не осталось, как только одна рубашка, которая в ту пору на мне была», — писал Крашенинников в своем первом рапорте с Камчатки.

На Камчатке Крашенинников жил в избах, топившихся «по-черному», где зимой «ради угару жить невозможно», существовал впроголодь. Обращаясь с просьбой увеличить жалование Крашенинникова, Миллер писал, что он ведет жизнь «убогого» и «с крайней мизерией». В свою очередь Академия обращала внимание Сената на тот факт, что при всех способностях и несравненном усердии Крашенинникова к наукам он крайне «оскудел в пропитании», или, говоря проще, изголодался до последней степени. Печальное положение, в котором оказался Крашенинников, могло, по мнению Академии, очень плохо отразиться на выполнении порученного ему дела: «...которое его состояние не только опечалить, но и к продолжению столь щастливо и с изрядным успехом начатых им обсерваций унылое нерадение или крайнюю к тому неспособность применить может...»¹.

Крашенинников, однако, не только не впал в «унылое нерадение», но с еще большим жаром и энергией развернул напряженную исследовательскую деятельность, результатом которой явились собранные им первоклассные научные материалы, положенные затем в основу его монументального труда о Камчатке.

Вчитываясь в работы С. П. Крашенинникова, изучая его произведения, нетрудно обнаружить причину этой стойкости и мужества, обеспечивших успех его научного подвига. Где бы ни находился этот солдатский сын, благодаря своему таланту и энергии ставший сначала студентом, а затем профессором, членом Академии, что бы он ни делал, — всегда и всюду он думал и помнил о своем народе, о величии и славе своей Родины, о своем долге перед ними. Именно эта руководящая идея была положена им в основу обессмертившего его труда, именно она вдохновляла Крашенинникова на борьбу с препятствиями и привела его к блестящему завершению намеченных задач по всестороннему описанию Камчатки.

«Российское государство, — с гордостью писал С. П. Крашенинников, — сколь есть обширно, сколь изобильно всем, что касается до человеческого удовольствия, столь и многими народами обитаемо».

«Знать свое отечество во всех его пределах», конечно, не легко, ибо «все европейские государства вообще не более как треть России». Однако знать Россию «всякому, уповаю, небесполезно», «а наипаче нужно великим людям, которые по высочайшей власти имеют попечение о благополучном правлении государства и о приращении государственной пользы».

Правда, как раз среди этих «великих людей» того времени, среди дворян, правивших Россией XVIII в., было немало таких, «которые и тем славятся, что они не знают, на чем хлеб растет, хотя показать честную природу и нежное свое воспитание». Этим людям солдатский сын Крашенинников с негодованием указывал на деятельность «воскресителя России» Петра Первого, стремившегося всеми мерами развить науку и искусства, «не исключая и мнимых подлых художеств», о чем эти люди «забыли, не памятуя или по своей тупости и невежеству даже вообще не ведают».

С еще большим гневом, презрением и подлинной яростью писал С. П. Крашенинников о тех, кто, кичаясь своей ученостью, хорошо знал, «что делается в Индии и Америке, а о своем отечестве столько имеет понятия, что едва известно ему, где он живет и где его поместье». Знать чужие страны, конечно, полезно и необходимо.

¹ См. А. И. Андреев, Жизнь и научные труды С. П. Крашенинникова, стр. 29.

Но, изучая их, всегда нужно стремиться к тому, чтобы «сравняться с другими государствами, в чем они имеют преимущество, или превзойти их»².

«Описание земли Камчатки», как известно, соответствовало патриотическим взглядам его автора на смысл и характер исследовательской деятельности русских ученых. Оно явилось подлинной энциклопедией этой далекой и суровой окраины, в нем дана исключительная по яркости картина суровой и величественной природы Камчатки, детальная характеристика жизни ее обитателей, столь своеобразной и непохожей на жизнь других народов России.

Замечательна при этом искренняя и глубокая симпатия к коренным жителям Камчатки, которая сквозит во всех разделах «Описания». Автор его, заставший обитателей этого полуострова в то время, когда еще свежа была память о недавнем господстве техники и обычаях каменного века, не относился к ним свысока и презрительно, не рассматривал их как низшую породу людей, как представителей «низшей расы», по самой ее природе обреченной на прозябание. Напротив, в отличие от большинства исследователей XVIII и XIX вв., он последовательно проводил в своих трудах мысль о том, что хотя камчадалы и их соседи находятся на очень низкой ступени культуры, их технические достижения и открытия в этих конкретных условиях вызывают изумление, а сами они заслуживают уважения. Он подчеркивал, что эти люди, при всей их отсталости и вытекающей отсюда наивности, отнюдь не являются «дикарями», от природы лишенными духовных запросов. Их нелепые, на первый взгляд, мифы и сказки являются отчасти наивными и поэтическими попытками дать ответ на коренные вопросы мироздания, своего рода первобытной философией. Это — истоки всех наук, подобно тому, как техника отсталых племен является своего рода фундаментом гордого здания современной техники. Отсюда неизбежно следовало, что отсталые племена Камчатки не только могут, но и должны будут со временем подняться на более высокую ступень, встать на один уровень с более развитыми во всех отношениях народами.

Крашенинников особо отмечал поэтому, что во многих местах не только у тойонов, но и у простых людей «построены избы и горницы по российскому обыкновению», вместо прежней деревянной посуды в широком употреблении находится медная и железная, а старинная ительменская одежда вытесняется русской одеждой.

С особым чувством удовлетворения Крашенинников писал, что «заведены там и школы, в которые сами камчадалы охотно отдают детей своих», и что в результате «ныне во всем последовала великая перемена — старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все восприняли христианскую веру и стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию».

Крашенинников не только всюду, где возможно, отмечает факты, свидетельствующие о прогрессивном влиянии культуры русского народа на коренные племена Сибири, но и указывает на прямую необходимость дальнейшего планомерного распространения среди них передовой русской культуры и в первую очередь грамотности.

Не менее замечательно и то, что, выйдя из трудовых слоев русского народа, С. П. Крашенинников справедливо и с глубоким сочувствием к угнетенным вскрывал в своих исследованиях по истории Камчатки подлинные причины волнений служилых людей, вызванных злоупотреблениями местного начальства.

С такой же ясностью показал в своих трудах С. П. Крашенинников действительные причины отчаянных выступлений ительменов против царской администрации; причины эти заключались в невыносимом гнете и эксплуатации, которым подвергались ительмены со стороны царизма и его местных агентов.

Само собой разумеется, что, рассматривая все встававшие перед ним проблемы с точки зрения интересов русского государства того времени, государства феодально-крепостнического, государства помещиков и купцов, С. П. Крашенинников не мог одобрить такие народные движения, направленные по своей сути против этого государства, так или иначе стремившиеся к его ослаблению. Но при всем том он не только не являлся апологетом зла и насилий, которые чинили царские слуги над беззащитным населением далекой окраины, но был убежденным врагом этих насилий и горячо сочувствовал угнетенным в их бедственном состоянии.

Классический труд знаменитого русского ученого XVIII в., передового мыслителя и общественного деятеля своего времени, как справедливо отмечает Н. Н. Степанов, высоко оценили лучшие люди России. Его внимательно изучал великий поэт русского народа А. С. Пушкин, которого особенно привлекли своей могучей силой образы смелых русских землепроходцев, а вместе с ними трагическая фигура руководителя восстания 1731 г. Федора Харчина, бегавшего «так резво, что мог достигать оленей». Максим Горький сопоставил и самого Крашенинникова с выразительно описанными им русскими землепроходцами XVII—XVIII вв., воздавая тем самым должное его научному подвигу и заслугам в деле освоения далеких северных земель России.

Выдающийся представитель русской науки XVIII в., просветитель и страстный патриот, больше всего любивший свое Отечество, Степан Крашенинников по праву навсегда вошел в историю нашей культуры как один из тех ее деятелей, которыми

² С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, 1949, стр. 87—89.

гордится советский народ. Вполне естественно поэтому, что вводная статья Н. Н. Степанова заканчивается сжатой характеристикой современной социалистической Камчатки, которую, по его словам, отделяют более двух веков от Камчатки времен Крашенинникова, Камчатки каменного века, первобытного хозяйства и культуры. На фоне новой, социалистической Камчатки действительно становится особенно яркой и значительной эта славная страница из прошлого нашей науки, полностью оживает подвиг выдающегося русского ученого XVIII в., труд которого, по справедливым словам Н. Н. Степанова, «не был бесстрастен и холоден, как многие другие научные труды», а насквозь пронизан гордостью за свою Родину, любовью к ней и страстным желанием помочь своему народу «в освоении неизведанных богатств Камчатки и в укреплении России на берегах Тихого океана».

Нельзя не признать, следовательно, весьма своевременным и полезным новое, рецензируемое здесь издание, посвященное трудам С. П. Крашенинникова и его научной деятельности, в том виде, каково оно есть.

Есть в нем, конечно, и некоторые частные недочеты, число которых, однако, невелико. К числу таких недостатков, часть которых уже отмечалась в печати³, относится прежде всего, как мне думается, то обстоятельство, что в рецензируемом издании соединены вместе сам по себе очень обширный текст описания и рукописные дополнительные материалы к нему. В результате этого получился огромный том объемом в 800 с лишним страниц, не очень удобный для использования. Кроме того, вследствие неизбежного ограничения в выборе дополнительных материалов пришлось часть дополнений, взятых из архивных фондов, исключить.

Было бы хорошо, если бы издание с самого начала рассчитали на два, по крайней мере, тома. В первом томе в таком случае было бы опубликовано «Описание» с необходимыми комментариями и вводной статьей о С. П. Крашенинникове. Во второй том следовало бы включить рукописное наследство С. П. Крашенинникова, относящееся к данной теме. Сюда же естественно было бы дать справку о картах, причем самые карты желательно было бы распределить не особой подборкой, а органически внести их в текст на правах иллюстраций к нему. Это было бы во всех отношениях удобнее и целесообразнее. Сейчас же они введены в издание, несмотря на всю их выдающуюся ценность, несколько механически, как своего рода инородное тело, ибо к деятельности С. П. Крашенинникова они прямого, непосредственного отношения не имеют.

Само собою разумеется, что было бы крайне желательно приложить к изданию и специальные исторические и историко-этнографические карты типа сопровождающих «Историю Сибири» Миллера, издания 1937 и 1941 гг., на которых можно было бы показать размещение коренного населения, а также ход русской колонизации, при этом в динамике, для чего необходимые материалы дает прежде всего сам Крашенинников. В этом отношении пожелания Н. Лазарева безусловно справедливы.

Что касается первой части рецензируемого издания, то, может быть, целесообразнее было бы перенести подстрочные комментарии, нередко очень значительные по своему объему, в конец «Описания», оставив на месте только ссылки на разночтения в первых вариантах этого труда сравнительно с последним. Это избавило бы от неизбежного сейчас нарушения цельности и единства авторского текста, изложение которого перерывается вставками комментаторов, расширяющих, дополняющих или даже оспаривающих положения автора. Ведь именно этот авторский текст в его непосредственной свежести и чистоте доставляет внимательному читателю наслаждение классической простотой и ясностью построения, образностью и точностью языка — живого, народного в истинном смысле этого слова. Только непрерывно вчитываясь и углубляясь без помех в этот замечательный текст, можно в полной мере почувствовать непередаваемый никакими словами «аромат эпохи», о котором справедливо говорит Н. Н. Степанов, и как бы услышать дыхание живого автора «Описания земли Камчатки».

Следует отметить, что первый, вступительный раздел, посвященный обзору научной и общественной деятельности С. П. Крашенинникова, его личности как ученого и общественного деятеля, безусловно является лучшим и наиболее полным в нашей литературе, посвященной С. П. Крашенинникову. Автор этого раздела Н. Н. Степанов собрал в нем и обобщил обширный материал, как опубликованный, так и неизвестный до сих пор в науке. Он дал замечательную по яркости и искренности картину жизни и деятельности С. П. Крашенинникова, в ряде случаев по-новому осветил ее важнейшие и нередко спорные, запутанные детали. Н. Н. Степанов показал монолитную фигуру С. П. Крашенинникова, как подлинно русского богатыря в науке, во весь ее внушительный рост. Он впервые обстоятельно выявил прогрессивные черты общественных и научных взглядов Крашенинникова и тем самым еще больше приблизил его к нашей советской современности.

Однако в своем интересном и увлекательном обзоре Н. Н. Степанов опустил ряд важных моментов, касающихся жизни исследователя, полагая, очевидно, что читатель знаком с ранее изданными статьями А. И. Андреева и других, где эти факты приводятся. Но если принять во внимание время, прошедшее с тех пор, мало-

³ См. рецензии Н. Лазарева («Вопросы истории», 1950, № 10), Л. Г. Каманнина («Советская книга», 1950, № 2).

численность и недостаточный тираж этих изданий, особенно для периферии, станет ясным, что более подробный и полный обзор жизни и научной деятельности С. П. Крашенинникова, основанный на учете всего сделанного ранее как самим Н. Н. Степановым, так и другими исследователями, был бы вовсе излишним. Отсюда не следует, конечно, что после этого стала бы ненужной специальная научная биография С. П. Крашенинникова. Надо считать издание подобной биографии, например, в серии «Жизнь замечательных людей», совершенно необходимым и давно назревшим делом. Но в данном издании такой обзор, и возможно более полный, тоже необходим, как необходимый и отсутствующий здесь список печатных трудов С. П. Крашенинникова, а также важнейших работ о нем или об «Описании земли Камчатки».

Кроме того, Н. Н. Степанов едва ли был прав, когда ограничил свою вступительную статью преимущественно изложением истории самого «Описания» и соответственно построил весь свой обзор деятельности С. П. Крашенинникова. Последствия, которые вызвало такое ограничение темы вступления, видны хотя бы из того, что в этой вводной статье непропорционально большое место занимает детальный разбор рукописи «Описания» и истории редактирования этого труда (стр. 51—74). Разбор этот без ущерба для дела можно было бы перенести в комментарий; это позволило бы дать еще более целостную и выразительную характеристику личности самого Крашенинникова и его научной деятельности. Сейчас же эта характеристика как бы разорвана обширной источниковедческой вставкой, посвященной анализу рукописи «Описания» и ее истории.

Ограничив себя по преимуществу тем, что относится к истории «Описания», Н. Н. Степанов по этой причине также не уделил должного внимания более развернутому и детальному анализу того исторического фона, на котором возникло это замечательное научное произведение. Между тем такая более полная и детальная характеристика конкретных исторических условий, в которых С. П. Крашенинников рос и складывался как ученый, в которых крепла и развертывалась его научная деятельность, была бы вполне уместной.

При всем том нельзя, однако, согласиться с утверждением, что Н. Н. Степанов «неправильно ориентирует читателя в ряде важнейших вопросов истории России во времена С. П. Крашенинникова, а также истории Камчатки в первой половине XVIII века», утверждением, которое категорически и резко высказано в обстоятельной рецензии Н. Лазарева⁴. На самом деле Н. Н. Степанов не вводит читателя в заблуждение, не развертывает каких-либо неправильных выводов, противоречащих марксистскому пониманию истории России XVIII в., и в частности, Камчатки. Напротив, как мы видели, в своей статье он значительно продвигает вперед правильное понимание исторической действительности того времени, поскольку последняя отразилась на деятельности С. П. Крашенинникова как ученого и общественного деятеля.

«Описание земли Камчатки» дорого и ценно для нас не только как первоклассный документальный источник, правдиво и всесторонне рисуемый прошлое Камчатки, но и как монументальный памятник истории русского общества и русской культуры в первой половине XVIII в., когда усиливается и укрепляется централизованное русское государство того времени — национальное государство помещиков и торговцев⁵. Вся деятельность С. П. Крашенинникова была поставлена на службу делу борьбы за укрепление этого российского государства, преодоление его технико-экономической отсталости и прогрессивное развитие русской культуры. Уже благодаря одному этому С. П. Крашенинников оказался в ряду передовых общественных деятелей своего времени, именно поэтому его деятельность была прогрессивной.

Само собой разумеется, что поскольку русское государство, за укрепление которого боролся С. П. Крашенинников в своей научной и общественной деятельности, было государством помещиков и торговцев, это налагало печать ограниченности и противоречивости на всю деятельность С. П. Крашенинникова, как и других сторонников петровских реформ. Известно, что С. П. Крашенинников не был в числе тех, кто позже вместе с великим русским общественно-политическим деятелем и философом А. Н. Радищевым выступал против царизма и крепостничества, как не был в числе их и М. В. Ломоносов, тоже не собиравшийся выступать против существующего государственного порядка и общественного строя.

Но именно как передовой деятель русской науки XVIII в. Крашенинников был активным сторонником ломоносовского материалистического направления в науке и столь же горячим сторонником его прогрессивных патриотических идей, направленных не только на укрепление русского государства, но и «на защиту интересов народных масс России, среди которых преобладало крестьянство». «Государственный интерес», о котором писал С. П. Крашенинников, в его понимании (как по существу правильно, хотя и очень кратко пишет Н. Н. Степанов), был далеко не тем «государственным интересом», о котором «радели» дворяне и купцы. Подобно Ломоносову и вслед за ним Крашенинников «понимал интересы народных масс и отстаивал

⁴ См. «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 107.

⁵ См. И. Сталин, Беседа с немецким писателем Э. Людвигом 13 декабря 1931 г., Партиздат, 1933, стр. 3.

их против реакционных верхов дворянства и иностранной камарильи, хозяйничавшей в государственных и культурных учреждениях России в 40—60-х годах XVIII в.»⁶.

Существенно при этом, что симпатии С. П. Крашенинникова к народу не ограничивались русским народом, русскими крестьянами. Они распространялись и на тех «инородцев» — по официальной терминологии того времени, «дикарей» — по терминологии западноевропейских путешественников и ученых XVIII—XIX вв., которым уделено такое важное и большое место в его «Описании земли Камчатки».

«Патриотизм, горячая любовь к русскому народу, стремление всячески содействовать экономическому и культурному прогрессу родины»⁷, — вот что определяло деятельность как самого Ломоносова, так и его верного соратника по Академии С. П. Крашенинникова. Именно эти положения являются, как мы видели, лейтмотивом его знаменитого труда, а также всей его деятельности.

Бесспорной заслугой Н. Н. Степанова как раз и является то, что он шел в своем вступительном очерке, в характеристике деятельности С. П. Крашенинникова не вслед за многими своими предшественниками, не по проторенному руслу буржуазного объективизма, а именно по этому новому и принципиально отличному пути, содействуя тем самым выяснению действительной роли С. П. Крашенинникова в истории русской науки и культуры. Идя по этому пути, он дал уже по сути правильный и недвусмысленный ответ на вопрос о том, какое место занимал С. П. Крашенинников в борьбе двух культур, о которой справедливо говорит Н. Лазарев, — культуры эксплуататорских верхов, в том числе иностранцев, искателей наживы и власти, связанных с правящими классами и кликами, и подлинной культуры эксплуатируемых народных масс России.

Как подлинный представитель и верный сын трудового народа Крашенинников вместе с Ломоносовым от всего сердца ненавидел эту наносную, мнимую «культуру» эксплуататорской верхушки, пресмыкавшейся перед зарубежными образцами и высокомерно третировавшей свой родной народ, чуждавшейся его и стыдившейся своей национальной принадлежности. Он высоко ценил подлинную науку, искусство и технику Запада, но вместе с тем горячо любил самобытное достояние русского народа, любил и носителя этой подлинно народной культуры, — русский народ.

Именно эту мысль, эту точку зрения, без двусмысленных оговорок (а не «в известной мере», как пишет Н. Лазарев), а также без громких общих фраз, но зато убежденно, последовательно и проводит Н. Н. Степанов в своей вводной статье.

Совершенно не означает неправильной, немарксистской ориентировки читателя и отношение Н. Н. Степанова к высказываниям С. П. Крашенинникова о судьбах земледелия на Камчатке. Совершенно верно, что царское правительство не сумело распространить земледелие на севере. Но значит ли это, что самая мысль об этом была порочной и что следует осудить Крашенинникова за его настойчивые практические опыты по распространению земледелия на Камчатке, за его страстную пропаганду земледелия на севере, как за реакционное и вредное дело? Такой вывод является по меньшей мере странным и неожиданным. А ведь в статье Н. Н. Степанова идет речь именно о борьбе Крашенинникова за распространение земледелия на севере и ни о чем другом, хотя бы Н. Н. Степанову пришлось сослаться на конкретные слова Крашенинникова относительно тех или иных правительственных указов, подписанных Елизаветой.

Следует отметить, кстати, что я искал и не нашел во вводной статье «пересказа» текста Крашенинникова «со всеми особенностями официальной фразеологии и придворной историографии (!) периода (!) царствования Елизаветы Петровны», о котором пишет рецензент.

Точно так же ни на чем не основано утверждение Н. Лазарева, что в новом издании «Описания» будто бы опущено имевшееся в издании 1755 г. «Предупреждение читателю», т. е. на самом деле предисловие, принадлежащее Миллеру. Я сам еще и еще раз пересмотрел это новое издание, сравнивая его с изданием 1755 г. и, к удивлению своему, вместо подтверждения укоризненных слов рецензента, обнаружил в нем то самое миллеровское предисловие, которое в рецензии значится «отсутствующим». Каждый, кто пожелает убедиться в этом, а в том числе и сам Н. Лазарев, легко может сделать это, заглянув на стр. 90—93 разбираемого издания и сравнив это место с тем, что находится в издании 1755 г. Возможно, что Н. Лазарев имел в виду предполагавшуюся к печати первую краткую редакцию миллеровского предисловия. Но последняя не была опубликована в 1755 г. (см. архив АН СССР, фонд 3, оп. 1, № 230, № 256 об.). Кроме того, она называлась не «Предупреждение», а просто «Уведомление читателю».

Все это полностью остается на ответственности рецензента.

Что же касается стиля, «фразеологии», свойственных самому автору рецензии, то, как видно из приведенного отрывка, они оставляют желать лучшего, в особен-

⁶ «История философии», глава 8-я. Развитие материалистической философии и передовой общественно-политической мысли в России в период крепостничества и укрепления централизованного государства (XVIII век). «Вопросы философии», 1950, № 2, стр. 280.

⁷ Там же.

ности, если учесть неоправданно резкий тон его критических замечаний, касающихся стиля работы Н. Н. Степанова.

Таким образом, дело совсем не в том, что Н. Н. Степанов пошел в своем исследовании по неправильному, немарксистскому пути,—такое утверждение не соответствует действительности. Дело только в том, что он не уделил достаточного внимания детальной характеристике, социально-экономическому анализу тех исторических событий, на фоне которых разворачивалась жизнь и творческая деятельность С. П. Крашенинникова; сделал он это,—очерк значительно выиграл бы.

Однако здесь следует иметь в виду, что в задачу Н. Н. Степанова входило не детальное изложение истории Сибири в целом или Камчатки, в частности, не история того, как именно грабили купцы и казаки ительменов, как именно их эксплуатировало государство помещиков и торговцев и в чьих именно интересах. Об этом, впрочем, у Н. Н. Степанова сказано, и факты приведены яркие. Но главное и специфически важное у него в данном случае все-таки другое. Это прежде всего научная биография самого Крашенинникова и характеристика его трудов, главным образом «Описания». И вот именно в этом, главном для биографа Крашенинникова, а не для историка, специально занятого историей Сибири как таковой, Н. Н. Степанов шел верной дорогой и сделал безусловно большое, полезное дело. Не видеть этой важнейшей стороны нового исследования о Крашенинникове было бы несправедливо и неправильно. Это значило бы исказить действительное положение дела, дезориентировать читателя.

Не является искажением истории и употребленная Н. Н. Степановым формула «дворянская империя XVIII века», поскольку эта формула приводится в определенном контексте (дворянская империя не обеспечила семью покойного исследователя — стр. 22; в дворянской империи середины XVIII в. круг таких ученых был ограничен, руководители дворянской империи XVIII в. не могли оценить ученых-патриотов, ученых-просветителей — стр. 50—51).

Н. Н. Степанов лишь противопоставляет здесь солдатского сына, с одной стороны, и феодально-крепостническое государство, в котором управляли дворяне, помещики,—«дворянскую империю», с другой.

Не искажает исторической действительности также использование легенд и преданий как исторического источника. Использование фольклорных данных вообще не противоречит марксистскому анализу истории Камчатки, так как легенды и предания сами по себе являются весьма ценным историческим источником, если, конечно, они рассматриваются, как и всякий другой источник, критически, с марксистской точки зрения.

В рецензии Н. Лазарева не доказано, что Н. Н. Степанов некритически, неверно использовал бережно собранный С. П. Крашенинниковым фольклор и тем ввел читателя в заблуждение; во всяком случае таким доказательством не могут служить ссылки на слова Н. Н. Степанова об известной былой «вольности» и безнаказанности действий казаков в первые десятилетия их появления на Камчатке, об их суровой и опасной жизни в этой стране. Так ведь и было на самом деле, и никто до сих пор этого не отрицал. Именно об этом выразительно говорят устные сведения, рисующие казачий разгул и горькую участь холопов, хозяева которых менялись по двадцать раз в течение одной ночи азартной игры, а также все рассказы о жизни казаков встарину на Камчатке.

Не менее бесспорна выдающаяся ценность сохранных Крашенинниковым фольклорных свидетельств о времени появления первых русских на Камчатке; сведения эти, кстати сказать, не мешало бы дополнить археологическими раскопками на р. Федотихе, или Федотовщине, как это было сделано Арктическим институтом Главсевморпути по отношению к Мангазее и к находкам на о. Фаддея.

Огульная дискредитация всех данных фольклора как исторического источника, какую мы видим у Н. Лазарева, ничем не может быть оправдана и не поддается объяснению.

Таким образом, в итоге следует признать, что, как уже отмечалось в печати, последнее, четвертое, издание «Описания земли Камчатки» явилось существенным вкладом в нашу, далеко не богатую еще литературу, посвященную жизни и деятельности классика русской этнографии С. П. Крашенинникова. Советский читатель имеет также основания быть благодарным перечисленным выше академическим учреждениям за тот ценный дар, который он, наконец, получил в виде полного текста самого «Описания» и дополнительных материалов к нему.

А. П. Окладников